

ЭТО
НЕ МОЙ
МУЖ

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина
Это не мой муж

«Автор»

2026

Вагина М.

Это не мой муж / М. Вагина — «Автор», 2026

После тяжёлой аварии Ева Белецкая приходит в себя в частной клинике. Рядом сидит мужчина, которого все называют её мужем. Он знает её дом, привычки, прошлое. На фотографиях — знакомое лицо. Но Ева чувствует одно: это не её муж. Память возвращается обрывками. Чем больше Ева вспоминает, тем опаснее становится правда. Её настоящий муж исчез. Мужчина рядом скрывает своё имя. А авария, которую считали случайной, оказывается попыткой заставить её замолчать. Теперь Еве предстоит понять, кто лжёт, кто действительно её любит и кому понадобилось, чтобы она ничего не вспомнила. Но главный выбор окажется не между двумя мужчинами. Ей придётся выбрать себя — и решить, кому она позволит остаться рядом.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Муж у моей кровати	5
Глава 2. Двенадцать лет	15
Глава 3. Дом, который её помнит	28
Глава 4. Ночь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Это не мой муж

Глава 1. Муж у моей кровати

Сознание возвращалось не сразу. Сначала был звук — ровный, настойчивый, похожий на далёкий электронный писк. Потом пришёл запах: больничная чистота, спирт, что-то лекарственное и холодное. И только после этого — тяжесть собственного тела.

Ева попыталась открыть глаза и не смогла с первого раза. Веки казались слишком тяжёлыми, будто на них положили по монете. Она снова провалилась куда-то вниз, в мягкую тёмную воду, но уже знала, что там, наверху, существует свет.

Когда она открыла глаза второй раз, потолок над ней оказался белым. Совершенно белым, без трещин, без теней, без привычной люстры из матового стекла, которую она когда-то выбрала сама, долго споря с дизайнером. Мысль о люстре вспыхнула неожиданно и сразу исчезла.

Ева моргнула.

Слева стояла капельница. Тонкая прозрачная трубка уходила к её руке. Справа темнело окно, за которым висело неподвижное серое небо. День или вечер — понять было невозможно.

Она попробовала повернуть голову.

Боль пришла мгновенно — тупая, тяжёлая, будто кто-то сдавил виски ладонями. Ева тихо застонала.

И тогда рядом зашевелились.

— Ева?

Мужской голос.

Не громкий. Хриловатый от усталости.

Она медленно повернула глаза.

Возле кровати сидел мужчина.

Высокий, даже сейчас это было видно. Тёмные волосы, в которых у висков пробивалась ранняя седина. Несколько дней небритости. Белая рубашка была расстёгнута у ворота, рукава закатаны. На лице — то выражение, которое появляется у людей после бессонных ночей: облегчение, смешанное с осторожностью, словно радоваться ещё рано.

Он вскочил.

— Ты меня слышишь?

Ева хотела ответить, но во рту пересохло.

Мужчина мгновенно налил воду из графина, поднёс стакан, другой рукой осторожно поддерживал её затылок.

— Медленно. Не спеши.

Ева сделала глоток.

Вода была тёплой и неприятной, но после неё стало легче.

— Где я? — спросила она.

Собственный голос показался чужим.

— В клинике.

— Почему?

Мужчина замер всего на секунду.

— Ты попала в аварию.

Ева закрыла глаза.

Слово «авария» толкнуло какую-то дверь внутри памяти.

Дождь.

Мокрый асфальт.

Дворники, мечущиеся по стеклу.
Белая полоса дороги.
Телефон где-то рядом.
Свет фар.
Очень яркий свет.
И собственный крик.
Она резко вдохнула.
— Не надо, — сказал мужчина. — Не пытайся сейчас вспоминать.
Ева снова посмотрела на него.
Он произнёс это так, будто имел право ей советовать.
— Кто вы?
Выражение его лица изменилось.
Совсем немного. Но Ева заметила.
Сначала исчезло облегчение. Потом в глазах возникло что-то похожее на растерянность.
Он медленно опустил стакан на тумбочку.
— Ева...
Дверь открылась.
В палату вошёл врач — мужчина лет пятидесяти в светлом халате. За ним появилась медсестра.
— Доброе утро, Ева Андреевна. Рад вас видеть в сознании.
Он подошёл, проверил монитор, посветил ей в глаза маленьким фонариком.
— Скажите, как вы себя чувствуете?
— Голова болит.
— Это ожидаемо. Тошнота?
— Нет.
— Головокружение?
— Немного.
Врач кивнул и задал несколько простых вопросов: имя, возраст, день рождения.
Ева отвечала медленно, но уверенно.
— Ева Белецкая. Тридцать восемь лет. Двадцать первое марта.
— Где вы живёте?
— В Москве.
— Имя вашей дочери?
На этот раз ответ пришёл сразу.
— Лиза.
Сердце болезненно сжалось.
Лиза. Девочка с длинными русыми волосами. Смех. Рюкзак у двери. Выпускное платье.
Поездка в Петербург поступать в университет.
— Сколько ей лет?
— Девятнадцать.
Врач снова кивнул.
— Хорошо. А какой сейчас год?
Ева назвала год.
Врач посмотрел на неё внимательнее.
— Последнее, что вы помните перед аварией?
Она сглотнула.
— Дождь. Я была за рулём. Кто-то звонил... или я звонила. Потом фары.
Мужчина у кровати отвернулся к окну.
Ева это заметила.

— А до этого? — спросил врач. — Что вы делали в тот день?

Она попыталась поймать воспоминание, но оно рассыпалось.

— Не знаю.

— За день до этого?

Пустота.

Ева нахмурилась.

— Я... не помню.

Врач не выглядел удивлённым.

— Ничего страшного. После травмы такое бывает. Не нужно заставлять память работать.

Она возвращается постепенно.

Ева перевела взгляд на мужчину.

Он стоял неподвижно.

— А он кто?

Врач посмотрел сначала на неё, потом на мужчину.

— Ваш муж.

Ева не ответила.

Слова будто не сразу обрели смысл.

Ваш муж.

Она снова посмотрела на незнакомца.

Он сделал шаг к кровати.

— Ева, это я.

Его голос стал тише.

— Антон.

Имя оказалось знакомым.

Слишком знакомым.

Антон Белецкий.

Её муж.

Двенадцать лет брака.

Отец Лизы.

Высокий. Тёмноволосый. Властный. Привычка молчать, когда злится. Любовь к чёрному кофе. Дорогие часы. Деловые звонки за завтраком.

Всё это было в её памяти.

Но мужчина перед ней не совпадал с тем внутренним образом, который вставал за именем.

Или совпадал?

Ева почувствовала, как холодеют пальцы.

Она начала рассматривать его внимательнее.

Лоб. Линию бровей. Нос. Тёмные глаза. Маленький шрам у правой брови.

Шрам был знаком.

Она знала его.

И всё же что-то было неправильно.

Не лицо.

Не голос.

Не одежда.

Что-то глубже.

Так смотрят на хорошо знакомую комнату, в которой ночью передвинули один предмет, и утром невозможно сразу понять, что именно изменилось.

— Антон? — повторила она.

Он кивнул.

— Да.

— Мой муж?

Улыбка на его лице получилась почти болезненной.

— Да.

Ева закрыла глаза.

Ей вдруг захотелось, чтобы все вышли.

Чтобы этот мужчина не стоял рядом.

Чтобы врач перестал смотреть на неё с профессиональным спокойствием.

Чтобы никто не говорил ей, что она должна чувствовать.

— Ева Андреевна, — мягко произнёс врач, — после черепно-мозговой травмы возможны нарушения памяти, узнавания, эмоциональной реакции. Это не означает, что вы потеряли воспоминания навсегда.

— Я знаю, кто мой муж.

Слова вырвались быстрее, чем она успела их обдумать.

В палате стало тихо.

Врач чуть наклонил голову.

— Хорошо. Расскажите мне о нём.

Ева сглотнула.

— Его зовут Антон. Он старше меня на пять лет. Занимается строительством. Ненавидит опаздывать. Считает, что люди, которые кладут телефон экраном вверх во время ужина, невоспитанны, хотя сам всегда отвечает на рабочие звонки. Когда нервничает, трёт большим пальцем костяшку указательного.

Ева осеклась.

Мужчина у окна медленно посмотрел на свою руку.

Его большой палец действительно лежал на костяшке указательного.

Он перестал её тереть.

По спине Евы прошёл холодок.

— Ещё? — спросил врач.

Она заставила себя продолжить.

— Он терпеть не может кинзу. Спит на правом боку. Никогда не покупает дешёвое вино, хотя почти не разбирается в вине. У него...

Она посмотрела на мужчину.

— У него шрам над правой бровью.

Шрам был на месте.

— Всё совпадает, — осторожно сказал врач.

— Я вижу.

— Тогда почему вы считаете, что это не он?

Ева открыла рот и не смогла ответить.

Потому что не он.

Этого было недостаточно.

Но другого объяснения у неё не было.

Мужчина подошёл ближе.

— Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Это я, — сказал он. — Ты просто не помнишь последних месяцев. Врачи предупреждали, что такое возможно.

— Сколько я здесь?

Он снова задержался с ответом на долю секунды.

— Девять дней.

— Девять?

— Первые сутки тебя держали в медикаментозном сне. Потом состояние стабилизировали. Ты несколько раз приходила в сознание, но почти сразу снова засыпала.

— Лиза знает?

— Конечно.

— Где она?

— В Петербурге. Я попросил её пока не приезжать.

Ева мгновенно напряглась.

— Почему?

— Потому что у неё сессия. И потому что врачи сказали, что тебе нужен покой.

— Я хочу с ней поговорить.

— Поговоришь.

— Сейчас.

Мужчина посмотрел на врача.

Еву неожиданно разозлило это движение.

Почему он спрашивает разрешения взглядом? Почему решает, когда ей говорить с собственной дочерью?

— Телефон, — потребовала она.

— Ева, тебе нельзя сейчас волноваться.

— Я не спрашиваю, что мне нельзя. Дайте телефон.

Врач вмешался:

— Через несколько часов, если показатели останутся стабильными, можно будет сделать короткий звонок.

Ева сжала губы.

— Хорошо.

Медсестра поправила капельницу. Врач ещё раз проверил давление и попросил мужчину выйти на несколько минут.

Тот не двинулся.

— Я останусь.

— Антон Сергеевич, нам нужно провести осмотр.

Ева вздрогнула.

Антон Сергеевич.

Отчество мужа она знала.

Конечно знала.

Но почему-то, услышав его сейчас, почувствовала не успокоение, а ещё большее беспокойство.

Мужчина посмотрел на неё.

— Я буду за дверью.

Он наклонился, будто собирался поцеловать её в лоб.

Ева отпрянула.

Совсем немного.

Но он заметил.

И остановился.

На его лице впервые появилось выражение, которое она смогла прочесть безошибочно.

Боль.

Настоящая.

Он выпрямился и вышел.

Осмотр занял несколько минут.

Когда дверь закрылась, Ева спросила:

— Доктор, вы уверены, что это мой муж?

Врач снял перчатки.

— Его документы проверены. Он указан вашим контактным лицом. Он был здесь с момента вашего поступления. Практически не уходил.

— Это не ответ.

Врач посмотрел на неё чуть внимательнее.

— А какой ответ вы хотите услышать?

— Что вы лично знали моего мужа до аварии.

— Нет. Не знал.

— Значит, вы знаете только то, что вам сказали.

— И то, что подтверждают документы.

— Документы можно подделать.

Врач не улыбнулся.

— Можно. Но сейчас у нас нет оснований предполагать что-либо подобное. Зато есть вполне медицинское объяснение вашему ощущению.

— Какое?

— Иногда после травмы человек узнаёт факты, узнаёт лицо, но эмоциональное узнавание запаздывает. Вам может казаться, что знакомый человек стал чужим.

Ева смотрела на него молча.

— Вы хотите сказать, что проблема во мне?

— Я хочу сказать, что ваш мозг пережил травму. И сейчас важно не пугаться собственных ощущений.

— А если мои ощущения правы?

Врач сделал паузу.

— Тогда факты это покажут.

Это был единственный ответ за всё утро, который Еве понравился.

Когда врач ушёл, мужчина вернулся почти сразу.

В руках у него была женская сумка.

Ева узнала её моментально.

Тёмно-зелёная кожа. Маленькая царапина возле застёжки. Она сама купила эту сумку в Милане два года назад.

— Твои вещи, — сказал он. — Телефон разбился, но я забрал всё остальное из машины.

Он поставил сумку на тумбочку.

Ева потянулась к ней.

— Не вставай.

— Я и не встаю.

Он подал ей сумку.

Внутри лежали кошелёк, помада, ключи, футляр для очков, несколько чеков, маленький флакон духов.

И фотография.

Обычная бумажная фотография, чуть помятая по краю.

Ева достала её.

На снимке были трое.

Она сама — моложе, с длинными волосами, смеющаяся.

Лиза — лет десяти.

И мужчина рядом — тот, кого её повреждённая память упрямо пыталась совместить с лицом на снимке.

Он обнимал Еву за плечи.

Ева долго смотрела на фотографию.

Потом на него.

Потом снова на фотографию.

— Видишь? — тихо спросил он.

Она ничего не ответила.

На снимке всё было правильно. Лицо мужа казалось знакомым по отдельным чертам, но не складывалось в цельный образ.

Его руки.

Его взгляд.

Но внутри продолжало звучать одно и то же упрямое ощущение.

Чужой.

— Где это снято?

— В Турции. Лизе было десять.

Ева закрыла глаза.

И память послушно дала картинку.

Море. Жара. Лиза плачет из-за обгоревших плеч. Антон спорит с администратором отеля. Вечером они втроём едят мороженое у бассейна.

Воспоминание было живым.

Только лица Антона в нём она не видела.

Как будто память оставляла пустое место.

— Ты что-нибудь вспомнила? — спросил мужчина.

— Немного.

Он сел на стул.

— Не торопись.

Ева снова посмотрела на него.

— Расскажи, что произошло.

— На дороге?

— До дороги.

Он опустил глаза.

— Ты была на встрече.

— С кем?

— Не знаю.

— Странно.

— Почему?

— Ты выглядишь человеком, который знает обо мне всё.

В его глазах мелькнуло что-то неуловимое.

— Я твой муж.

— Именно.

— Ева...

— Куда я ехала?

— Домой.

— Откуда?

Он помолчал.

— Из центра.

— Очень точный ответ.

— Я не был с тобой.

— А кто был?

— Насколько я знаю, никто.

Ева положила фотографию на одеяло.

— Ты сказал, что я не помню последних месяцев.

— Да.
— Что случилось в эти месяцы?
Мужчина смотрел на неё долго.
Слишком долго для простого ответа.
— Многое.
— Например?
Он провёл ладонью по лицу.
— Мы потом поговорим.
— Почему потом?
— Потому что тебе сейчас важнее восстановиться.
— Это решать мне.
— Конечно.
Но произнёс он это так, будто вовсе так не считал.
Ева отвернулась к окну.
На стекле появились первые капли дождя.
Она следила, как одна из них медленно сползает вниз, соединяясь с другой.
Дождь.
Дорога.
Телефон.
И вдруг — голос.
Не память даже, а обрывок звука.
Мужской.
«Не делай этого».
Ева резко повернула голову.
— Что?
— Что «что»?
— Ты говорил мне: «Не делай этого»?
Мужчина побледнел.
Совсем чуть-чуть, но достаточно.
— Когда?
— До аварии.
— Я не знаю.
— Вспомни.
— Ева, мы с тобой много разговаривали. Я мог сказать что угодно.
— О чём?
— О работе. О Лизе. О нас.
— Обо мне?
Он не ответил.
— У нас были проблемы? — спросила она.
Тишина.
Теперь она уже не сомневалась: были.
— Мы собирались разводиться?
Мужчина медленно поднял глаза.
— Нет.
Ответ прозвучал слишком быстро.
Ева почувствовала, как внутри рождается первое настоящее подозрение.
Не страх. Не растерянность.
Именно подозрение.
Она снова взяла фотографию.

— Подойди.

Он встал.

— Ближе.

Он подошёл к кровати.

Ева подняла руку и коснулась его лица.

Мужчина замер.

Кожа была тёплой. Щетина кололась под пальцами. Она провела по скуле, по виску, коснулась шрама над бровью.

Он закрыл глаза.

И в этот момент Ева почувствовала странное.

Её тело знало его.

Не разум.

Тело.

Дыхание изменилось раньше, чем она успела подумать. Где-то глубоко внутри отозвалось знакомое напряжение — слишком интимное, чтобы быть случайным.

Ева резко убрала руку.

Мужчина открыл глаза.

Теперь они смотрели друг на друга иначе.

— Что? — тихо спросил он.

— Ничего.

— Ты что-то вспомнила?

— Нет.

Это была её первая ложь после пробуждения.

Он будто почувствовал это, но не стал настаивать.

— Тебе нужно поспать.

— Наверное.

Он поправил край одеяла.

Движение было привычным. Почти домашним.

Ева следила за его руками.

На безымянном пальце — обручальное кольцо.

То самое? Она не знала.

На запястье — часы.

Она помнила другие.

Или ей только казалось?

— Антон.

Он поднял голову.

— Да?

Она произнесла его имя вслух ещё раз, словно примеряла к нему.

Имя не село.

Как чужая одежда правильного размера.

— Ничего.

Он сел рядом.

— Я здесь.

Ева закрыла глаза.

Через несколько минут дыхание мужчины стало ровнее. Возможно, он задремал в кресле.

Она лежала неподвижно и слушала дождь.

Память молчала.

Факты говорили одно.

Фотографии — то же самое.

Врач — то же самое.
Документы, вероятно, скажут то же.
Но всё её существо сопротивлялось очевидному.
Ева снова открыла глаза.
Мужчина спал, откинув голову к стене.
Во сне лицо стало мягче. Уязвимее. Почти знакомым.
Она смотрела на него долго.
Очень долго.
Потом тихо, почти беззвучно произнесла:
— Нет.
Мужчина не проснулся.
Ева отвернулась к окну.
За стеклом дождь стал сильнее.
И уже не для врача, не для него, а только для самой себя она повторила то, в чём пока
не могла привести ни одного доказательства:
— Это не мой муж.

Глава 2. Двенадцать лет

Утро началось с фотографии.

Ева увидела её прежде, чем окончательно проснулась. Снимок стоял на тумбочке в тонкой серебряной рамке, повёрнутой к кровати так, будто кто-то специально хотел, чтобы первым после сна она увидела именно это лицо.

На фотографии была она сама — немного моложе, с длинными волосами, собранными на затылке, в светлом платье с открытыми плечами. Рядом стоял Антон. Ева всматривалась в его лицо и с тревогой замечала: отдельные черты будто совпадали с мужчиной из кресла, но чем дольше она смотрела, тем меньше была уверена, что видит одного и того же человека.

Он обнимал её за талию.

Ева улыбалась.

Не вежливо, не для камеры. Она смеялась, запрокинув голову, а он смотрел на неё с тем выражением, которое невозможно сыграть по просьбе фотографа. Так смотрят на человека, к которому привыкли быть близко.

Ева долго не двигалась.

Потом протянула руку и взяла рамку.

Снимок был сделан где-то у моря. За их спинами белела терраса, внизу блестела синяя вода, на столе стояли бокалы. На безымянном пальце Евы было кольцо.

Она посмотрела на свою руку.

Кольцо было и сейчас.

Тонкое, с маленькой дорожкой камней.

Ева сняла его.

Под ним кожа оказалась чуть светлее.

Значит, она носила кольцо давно.

Факт.

Факты с самого пробуждения окружали её со всех сторон, и каждый будто подталкивал к одному выводу: мужчина рядом должен быть её мужем, даже если собственное восприятие этому сопротивлялось.

Но стоило ей подумать об этом как о чём-то бесспорном, внутри снова поднималось сопротивление.

Не страх даже.

Отрицание.

Как если бы ей показывали чужой дом и терпеливо объясняли, что она прожила в нём половину жизни.

Дверь тихо открылась.

Ева быстро поставила фотографию обратно.

Вошёл тот самый врач — Александр Сергеевич. Сегодня без халата под расстёгнутым белым пиджаком, с планшетом в руках. Он улыбнулся, проверил монитор, задал несколько простых вопросов: как спала, есть ли тошнота, кружится ли голова, помнит ли вчерашний разговор.

— Помню, — сказала Ева.

— Хорошо.

— Это значит, память возвращается?

Врач сел на край стула.

— Это значит, что новая информация фиксируется нормально. А вот с тем, что было до травмы, всё сложнее. У вас нет полной амнезии. Вы помните себя, дочь, многие события,

работу. Но есть провалы. И, похоже, один из самых выраженных связан именно с последним периодом вашей жизни.

— И с мужем.

— Возможно.

Ева посмотрела на него внимательнее.

— Почему вы всё время говорите «возможно»?

— Потому что мозг после травмы — не архив, где можно открыть нужную папку. Память возвращается не по команде и не всегда последовательно.

— Я помню имя мужа.

— Антон.

— Да. Я помню, что вышла замуж за Антона. Помню нашу квартиру на Садовой до переезда. Помню, как родилась Лиза. Помню его голос. Кажется, даже смех помню.

Врач слушал, не перебивая.

— Но человека, который сидит здесь, я не узнаю.

— Иногда эмоциональная память восстанавливается медленнее зрительной. Иногда наоборот.

— А бывает так, что человек узнаёт всех, кроме одного?

— Бывает.

Ответ был слишком спокойным.

Ева сжала пальцы.

— А бывает, что все вокруг ошибаются?

Александр Сергеевич не улыбнулся.

— Вы хотите спросить, проверяли ли мы личность вашего мужа?

— Хочу.

— Проверяли документы при оформлении. Он указан вашим контактным лицом. Он предоставил паспорт, страховые данные, информацию о вашей истории болезней. Ваши родственники с ним общались.

— Кто именно?

— Дочь. Ваша подруга Софья. Несколько сотрудников.

— И никто не сказал: «Это не Антон»?

— Никто.

Ева отвернулась к окну.

За стеклом впервые за несколько дней было солнце. На мокрых ветках дрожали капли.

— Значит, сумасшедшая я.

— Я этого не говорил.

— Но подумали.

— Нет. Вы человек после серьёзной травмы. Это большая разница.

Он сделал паузу.

— Не пытайтесь насильно вспоминать. Вам будут показывать фотографии, рассказывать о событиях. Смотрите, слушайте, но не заставляйте себя чувствовать то, чего сейчас нет. Давление только усилит тревогу.

— А если чувство говорит правду?

Врач ответил не сразу.

— Тогда факты помогут это проверить.

Ева посмотрела на него.

Именно этой фразой он впервые показался ей по-настоящему полезным.

Факты.

Хорошо.

Если память предаёт, останутся они.

Через час пришёл Антон.

На этот раз он был выбрит. На нём была тёмная водолазка и серое пальто, которое он снял у двери. Под глазами всё ещё лежали тени, но выглядел он уже не как человек, ночевавший в больничном кресле, а как тот, кем, судя по всему, являлся в обычной жизни: собранный, дорогой, привыкший к решениям.

Он принёс бумажный пакет из кофейни и маленькую коробку.

— Врач разрешил тебе нормальный кофе, — сказал он. — Но только один.

Ева посмотрела на стакан.

— Какой?

— Капучино. Без сиропа. Корица отдельно, потому что ты терпеть не можешь, когда её сыплют сверху без спроса.

Она молчала.

Антон заметил её взгляд.

— Угадал?

— Да.

Он поставил кофе перед ней.

Ева сделала глоток.

Именно так.

Не слишком горячий. Один пакет коричневого сахара рядом, хотя сама она почти никогда его не добавляла. Мужчина знал это.

— А что в коробке?

— Телефон.

Антон положил её на кровать.

— Твой разбился в машине. Я восстановил номер и облако. Подумал, фотографии могут помочь.

Ева ощутила лёгкий холод в ладонях.

— Ты восстановил всё?

— Насколько получилось.

— Переписку тоже?

Он чуть заметно задержался перед ответом.

— Не знаю. Мессенджеры иногда требуют отдельного подтверждения.

Эта пауза была крошечной.

Но Ева её заметила.

Она открыла коробку.

Новый телефон был той же марки, к которой она привыкла. Антон уже установил заставку.

На экране были они вдвоём.

Ева в белой рубашке и солнечных очках стояла на палубе яхты. Антон обнимал её сзади. Она держала его руку на своей талии.

— Где это?

— Греция. Три года назад.

— Мы часто ездили туда?

— Дважды.

— А в Италию?

— Почти каждый год.

— Мой любимый город?

Он усмехнулся.

— Сейчас тест?

— Да.

Улыбка исчезла.
— Флоренция.
Ева почувствовала укол разочарования.
Правильно.
— Любимый ресторан?
— Если в Москве — тот маленький грузинский на Патриарших, куда тебя невозможно было затащить первый раз, а потом невозможно было увести.
Снова правильно.
— Цветы?
— Пионы. Белые. Но только не огромные букеты, потому что ты называешь их венками.
Ева опустила глаза.
— Ты всё знаешь.
— Я прожил с тобой двенадцать лет.
Он сказал это без раздражения. Скорее устало.
Двенадцать лет.
Цифра прозвучала страшнее, чем могла бы.
Не двенадцать дней, которые можно забыть после удара. Не несколько месяцев. Двенадцать лет завтраков, поездок, ссор, привычек, ночей, болезней, семейных праздников.
И перед ней сидел человек, которого она не могла впустить внутрь этой цифры.
— Покажи мне фотографии, — попросила Ева.
Антон взял телефон.
— Здесь много.
— Тем лучше.
Он сел ближе.
Ева сразу напряглась, но не отодвинулась.
Первой была свадьба.
Белое платье. Антон в тёмном костюме. Ева держала букет и смотрела прямо на него, а не в камеру.
— Где это было?
— В загородном доме твоих родителей. Ты не хотела ресторан.
В памяти что-то дрогнуло.
Белые стулья на траве.
Голос матери.
Чей-то смех.
Музыка.
Но лицо мужчины рядом снова оставалось словно за стеклом.
Антон листал дальше.
Дни рождения, Рождество, Турция, Париж, дача, каток, большая ёлка, трап самолёта — снимков были сотни. На каждом рядом с ней был Антон, но после травмы его лицо не удерживалось в памяти: стоило перевести взгляд на мужчину у кровати, и мозг словно достраивал недостающее сходство сам.
Невозможно подделать жизнь в таком количестве.
И всё же Еву не отпускало ощущение, что она смотрит хорошо снятый фильм о женщине, которую знает очень близко, но которой не является.
— Останови.
Антон перестал листать.
На экране было семейное фото летней давности. Лиза — уже взрослая, стройная, загорелая — сидела между ними на диване. Ева смотрела в объектив. Антон тоже.
— Когда это?

— В прошлом августе. У нас дома.
Ева увеличила изображение.
На стене за ними висела картина с красным кругом.
Она вдруг ясно увидела комнату.
Светлый диван. Два окна. Длинная низкая тумба. На столе — белая ваза.
— Мы переехали?
— Четыре года назад.
— Я не помню этот дом.
Антон посмотрел на неё слишком внимательно.
— Совсем?
— Нет.
— Ты сама его выбирала.
— Где он?
— На Новой Риге.
Ева закрыла глаза.
Ничего.
Ни ворот, ни лестницы, ни спальни.
— Странно, — тихо сказала она.
— Что?
— Я помню квартиру, где мы жили раньше. Помню кухню. Помню, как Лиза разбила вазу и спрятала осколки в шкаф. Помню соседку сверху. А дом — нет.
Антон молчал.
— И тебя я будто помню до какого-то момента. А потом — нет.
— После аварии всё смешалось.
— Нет. Не всё.
Ева повернулась к нему.
— Будто моя память остановилась несколько лет назад.
На лице Антона впервые появилось что-то, что она не смогла сразу назвать.
Не испуг.
Скорее осторожность.
— Врачи сказали, такое возможно.
— Когда мы переехали, ты уже выглядел так?
Он нахмурился.
— В каком смысле?
— Так же.
— Мне сорок три, Ева. Четыре года назад было тридцать девять. Не думаю, что произошла революция.
— Покажи фотографию до переезда.
Антон нашёл.
Ева приблизила лицо мужчины.
То же.
Конечно, то же.
Те же брови, линия подбородка, глаза.
Она почувствовала раздражение — уже на себя.
— Ты ищешь доказательство, что я не я? — спросил он.
— Да.
— И если не найдёшь?
Ева не ответила.
Он положил телефон на тумбочку.

— Что мне сделать, чтобы ты поверила?
— Не знаю.
— Анализ ДНК?
— Мы не родственники.
Уголок его губ дёрнулся.
— Хорошо. Отпечатки пальцев? Старые документы? Видео со свадьбы? Десятки людей, которые меня знают?
— Не смейся.
— Я не смеюсь.
Ева увидела, что это правда.
Он был обижен.
И эта обида казалась настоящей.
— Представь, — сказал Антон, — ты двенадцать лет живёшь с человеком. Знаешь, как он дышит перед тем, как уснуть. Когда врёт, когда злится, когда делает вид, что ему всё равно. А потом он открывает глаза и говорит: «Вы кто?»
Ева почувствовала вину.
Но вместе с ней — неожиданную злость.
— А представь, ты открываешь глаза после аварии, и все требуют, чтобы ты любила человека только потому, что у него есть фотографии.
Антон замолчал.
Несколько секунд они смотрели друг на друга.
Первым отвёл глаза он.
— Я ничего от тебя не требую.
— Пока.
Это слово вырвалось само.
Он медленно встал.
— Понятно.
— Антон...
— Нет. Всё нормально.
Но было видно, что не нормально.
Он подошёл к окну, сунул руки в карманы.
Ева смотрела на его спину.
И вдруг поймала себя на странной мысли: она знает эту позу.
Не лицо.
Не голос.
Именно позу.
Вот так он стоял, когда сердился и не хотел показывать.
Плечи чуть подняты. Голова наклонена. Правая рука глубже в кармане, чем левая.
Из памяти пришёл короткий кадр.
Кухня.
Вечер.
Он стоит у окна точно так же.
Ева говорит:
— Не надо со мной разговаривать как с ребёнком.
И мужской голос отвечает:
— Тогда не заставляй меня всё решать за двоих.
Кадр исчез.
Ева резко вдохнула.
Антон обернулся.

— Что?

— Я кое-что вспомнила.

Он сразу оказался рядом.

— Что именно?

— Ссору.

— Какую?

— Не знаю. Кухня. Ты стоял у окна.

Антон присел.

— Дальше?

— Я сказала: «Не разговаривай со мной как с ребёнком».

Его лицо изменилось.

Едва заметно.

— А ты ответил: «Не заставляй меня всё решать за двоих».

— Было такое? — спросила Ева.

— Возможно.

— Ты не помнишь?

— За двенадцать лет мы ссорились больше одного раза.

Ответ был разумным.

И всё же что-то в нём ей не понравилось.

Она поймала его взгляд.

— Почему ты испугался?

— Я не испугался.

— Испугался.

— Тебе показалось.

Ева почувствовала, как внутри включается то, чем она всегда гордилась в работе: способность видеть не интерьер, а несоответствие. Один неправильный оттенок. Один предмет, стоящий не там. Деталь, которая ломает всю композицию.

Сейчас такой деталью была пауза.

Антон слишком быстро спрятал её за спокойным лицом.

Днём пришла психолог.

Она принесла альбом.

Не электронный — настоящий, большой, в кожаной обложке.

— Муж сказал, вы хотели посмотреть семейные фотографии, — объяснила она.

Ева насторожилась.

— Где он его взял?

— Привёз из дома.

В альбоме было легче.

Бумага успокаивала. Здесь нельзя было одним движением удалить снимок, подменить дату, заменить файл.

Ева медленно переворачивала страницы.

Свадьба.

Лиза-подросток.

Новый год.

Антон с Евиным отцом.

Ева у камина.

Ева в больничной палате после какой-то операции — бледная, но улыбающаяся, Антон рядом держит её за руку.

Каждая фотография была ещё одним свидетелем против её ощущения.

— Что чувствуете? — спросила психолог.

— Что я ошибаюсь.

— Это облегчает?

— Нет.

— Почему?

Ева провела пальцем по краю страницы.

— Потому что тогда проблема во мне.

— Проблема — не самое точное слово.

— А какое точное?

— Травма.

— Вы все очень любите это слово.

Психолог улыбнулась.

— Потому что оно снимает необходимость обвинять себя.

Ева закрыла альбом.

— Мне не нужно, чтобы меня утешали. Мне нужно понять.

— Тогда не торопитесь с выводами.

— Все вокруг уже сделали вывод.

— Потому что для них реальность не прерывалась. Для вас — да.

Эта мысль задержалась.

Реальность не прерывалась.

Для Антона прошли все эти годы. Для неё — будто нет.

Возможно, в этом и было объяснение.

Вечером он снова пришёл.

На этот раз без кофе, без фотографий, без попыток доказать что-либо.

Он просто сел в кресло.

— Как голова?

— Лучше.

— Устала?

— Да.

— Тогда я посижу молча.

Ева почти улыбнулась.

— Это на тебя похоже?

— Нет.

— А каким ты был?

Антон посмотрел на неё.

— Со мной или вообще?

— Со мной.

Он задумался.

— Разным.

— Очень содержательно.

— Ты не любила, когда тебе рассказывали, какой ты должна быть. Поэтому я не хочу сейчас рассказывать, какой должна быть твоя память.

— Тогда расскажи о нас.

Он медленно выдохнул.

— Мы познакомились в ресторане. Ты пришла на встречу с заказчиком. Я сидел за соседним столом. Ты спорила с мужчиной лет шестидесяти о том, что чёрная кухня в маленькой квартире — плохая идея.

— И ты решил вмешаться?

— Конечно. Очень умно с моей стороны.

— Что сказал?

— Что чёрная кухня — отличная идея.
Ева неожиданно рассмеялась.
Смех отдался болью в висках, но она не остановилась.
— Это действительно очень умно.
— Ты сказала мне не лезть в чужой разговор.
— Похоже на меня.
— Потом я отправил вам бутылку вина.
— «Вам»?
— Тебе и заказчику.
— Чтобы извиниться?
— Нет. Чтобы ты заметила, что я всё ещё сижу рядом.
Ева смотрела на него.
Он рассказывал просто, без театра. И чем дольше говорил, тем яснее она видела сцену.
Ресторан.
Мужчина за соседним столом.
Чуть насмешливый взгляд.
Но лицо снова ускользало.
— Я дала тебе номер?
— Нет.
— Молодец.
— Ты оставила визитку официанту, потому что решила, что я владелец ресторана и хотела пожаловаться на «навязчивых гостей».
Ева снова засмеялась.
— Не верю.
— Я забрал визитку у администратора.
— Это ужасно.
— Ты говорила то же самое.
— И всё равно встретила?
— Через две недели.
— Почему?
— Потому что я звонил каждый день.
— Теперь это называется преследованием.
— Тогда ты называла настойчивостью.
— Я была глупее.
— Намного.
Он улыбнулся.
И вдруг что-то случилось.
На одну секунду Ева увидела его иначе.
Не мужчину из больничной палаты.
Не незнакомца.
Мужчину, который сидит напротив неё в ресторане и улыбается точно так же.
Внутри вспыхнуло тепло.
Короткое.
Почти болезненное.
Ева замерла.
— Что? — спросил Антон.
Она не ответила.
Тепло уже исчезало.
Но осталось другое — смутное ощущение близости.

Антон протянул руку.

Ева позволила ему коснуться пальцев.

На этот раз не отдёрнула.

Его ладонь была тёплой.

Знакомой?

Она не знала.

Он не сжал её руку. Просто накрыл своей.

— Не торопись, — сказал тихо.

Ева смотрела на их пальцы.

На его обручальное кольцо.

На светлую полосу на своей коже там, где утром было её кольцо.

— Двенадцать лет, — сказала она.

— Да.

— Мы были счастливы?

Антон не ответил сразу.

Вот теперь пауза была длинной.

Ева подняла глаза.

— Не всегда, — сказал он.

— Почему?

— Потому что люди не бывают счастливы двенадцать лет без перерыва.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Она убрала руку.

— Почему?

— Потому что врач просил не перегружать тебя.

— Врач просил тебя решать, что мне знать?

— Нет.

— Тогда расскажи.

Антон встал.

— Не сегодня.

Ева почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение.

— Очень удобно.

Он остановился у двери.

— Что именно?

— Моя память. Теперь на любой вопрос можно ответить: «Тебе рано знать».

— Я не сказал «рано».

— Смысл тот же.

Антон повернулся.

— Хочешь правду? Наш брак не был идеальным. Последний год — особенно. Мы много спорили. Я слишком много работал. Ты отдалялась. Я это видел и делал вид, что не вижу. Достаточно на сегодня?

Ева молчала.

— Или рассказать всё сразу, пока ты даже не уверена, что узнаёшь собственный дом?

Она почувствовала удар не от слов, а от интонации.

В ней было что-то старое.

Очень знакомое.

Так они уже разговаривали.

Не один раз.

Ева почти увидела себя — стоящую напротив него, раздражённую, уставшую, с тем же ощущением, что он знает больше и решает, сколько ей можно получить правды.

— Вот, — сказала она тихо.

— Что?

— Это я помню.

Антон нахмурился.

— Что именно?

— Как ты разговариваешь со мной, когда хочешь закончить разговор.

Он ничего не ответил.

И этим подтвердил больше, чем мог бы словами.

После его ухода Ева долго не спала.

Она снова взяла телефон.

Открыла фотографии.

Теперь листала одна.

Год за годом.

Она смотрела не на себя — на него.

Вот Антон держит Лизу за плечи на выпускном. Вот режет торт. Вот сидит в самолёте. Вот в бассейне. Вот на кухне в домашней футболке. Вот спит на диване с книгой на груди.

Один и тот же человек.

Один и тот же муж на фотографиях — и всё же образ никак не соединялся с человеком рядом.

Никакого двойника.

Никакой ошибки.

Ева увеличила одно фото.

Антон стоял у окна в доме, которого она не помнила. Снимок был сделан со спины.

И та же знакомая поза снова кольнула память.

Она знала его.

Она не могла этого отрицать.

Но почему тогда лицо оставалось чужим?

Ева открыла раздел с видео.

Первое попавшееся оказалось коротким роликом с какого-то праздника.

Шум, музыка, чей-то смех. Камера дрожала.

В кадре появилась сама Ева.

Она держала бокал и говорила кому-то:

— Сними уже его, а не меня.

Камера повернулась.

Антон стоял у стола.

— Антон! — позвала Ева с видео.

Мужчина обернулся.

— Что?

— Иди сюда.

Он подошёл.

Ева на записи обняла его за шею и поцеловала в щёку.

— Скажи, что ты меня любишь.

— Не буду.

— Почему?

— Потому что ты потом всем покажешь.

— Уже показываю.

Он засмеялся и закрыл ладонью камеру.

Видео закончилось.
Ева сидела неподвижно.
Она прослушала его ещё раз.
Потом третий.
Голос.
Вот что было не так.
Она закрыла глаза и попыталась вспомнить голос Антона из прошлого.
Низкий.
Спокойный.
Иногда резкий.
Вроде бы тот же.
Но не совсем.
Или ей казалось?
Ева включила видео снова.
Мужчина сказал: «Не буду».
Она прислушалась.
Внутри ничего.
Тогда Ева нашла более старое видео — десятилетней давности.
Лиза ещё школьница снимала родителей на телефон. Качество было хуже, звук глухой.
Антон говорил что-то про билеты.
Ева невольно задержала дыхание.
На мгновение ей показалось, что голос другой.
Она тут же перемотала.
Прослушала снова.
Нет.
Похож.
Очень похож.
Телефон дрогнул в руке.
Ева разозлилась.
На себя.
На собственный мозг.
На то, что он подсовывает ей сомнение даже там, где всё можно проверить.
Она положила телефон экраном вниз.
В палате было тихо.
На тумбочке стояла свадебная фотография.
Ева взяла её и долго смотрела на собственное счастливое лицо.
— Ну хорошо, — прошептала она. — Допустим, это ты.
Человек на фотографии не ответил.
Ева провела пальцем по стеклу там, где было его плечо.
Двенадцать лет.
Сотни фотографий.
Видео.
Обручальные кольца.
Воспоминания, которые начинали возвращаться.
Всё складывалось.
Кроме одного.
Чувства.
Она поставила фотографию обратно и выключила свет.
В темноте стало легче.

Не нужно было смотреть на доказательства.
Но перед тем как заснуть, Ева снова слышала внутри собственную фразу.
Тихую. Упрямую. Нелогичную.
Лицо правильное.
Человек — нет.

Глава 3. Дом, который её помнит

Дом встретил Еву тишиной. Не больничной — белой, натянутой, где за каждой дверью мог появиться врач, — а другой, густой и домашней. Здесь тишина жила в коврах, в тяжёлых шторах, в мягком свете настенных бра. Она была наполнена давно знакомыми звуками: едва слышным гулом холодильника, щелчком отопления, шорохом ветки по стеклу. Всё вокруг как будто знало её лучше, чем она сама.

Ева остановилась в прихожей, не снимая пальто. Перед ней лежал тот самый дом, который она видела на фотографиях: просторный холл, светлый каменный пол, лестница с деревянными перилами, зеркало в тонкой бронзовой раме. На консоли стояла чаша для ключей. Рядом — маленькая фарфоровая птица с отбитым кончиком крыла. При виде неё в груди что-то дрогнуло.

— Ты её сама разбила, — сказал мужчина за её спиной.

Ева обернулась. Он стоял с её дорожной сумкой в руке и смотрел спокойно, словно отвечал на вопрос, которого она не задавала.

— Когда?

— Года три назад. Торопилась на встречу, задела локтем. Потом сказала, что так даже лучше. Что вещи с изъяном честнее идеальных.

Фраза прозвучала слишком точно. Ева почти услышала собственный голос, произносящий эти слова. Внутри на мгновение стало теплее — и сразу холоднее. Если он действительно чужой, откуда знает такие мелочи? А если не чужой — почему рядом с ним всё её тело продолжало держать невидимую дистанцию?

Он поставил сумку у лестницы.

— Я приготовил спальню. Если захочешь, можешь спать одна.

— Я и собираюсь.

— Хорошо.

Он не спорил. Не обиделся. Даже не изменился в лице. И это почему-то раздражало сильнее, чем если бы он попытался настоять.

Ева сняла пальто и повесила его на крайний крючок. Мужчина тут же переложил на соседний.

— Ты всегда вешаешь здесь, — сказал он.

Ева посмотрела на крючок, потом на него.

— А если теперь хочу здесь?

— Тогда оставь.

Он вернул пальто обратно. Просто. Без улыбки. Но Еве уже стало не по себе. Этот дом был наполнен правилами, которых она не помнила, а мужчина рядом знал их все.

Она медленно пошла по гостиной. На стене висели фотографии. Здесь они были не собраны в альбом, как в клинике, а жили внутри пространства. Ева возле моря. Ева в длинном белом платье. Лиза лет в семь с двумя косичками. Антон держит дочь на плечах. Ева всматривается в его черты, но узнавание снова ускользает. На одном снимке они втроём смеются так свободно, что Ева невольно приблизилась.

— Это где?

— Корфу. Лизе было восемь.

— Мы часто путешествовали?

— Раньше — да.

Слово «раньше» прозвучало слишком отчётливо.

— А потом?

Он помедлил.

— Потом стало меньше времени.

— У кого?

— У нас обоих.

Ответ был аккуратным, почти безопасным. Ева заметила это и запомнила.

На кухне всё оказалось ещё хуже. Там каждое движение вызывало смутное чувство узнавания. Она безошибочно открыла шкаф, где стояли чашки, и тут же замерла. Значит, тело помнит. Руки помнят. Ноги сами привели её к правильной полке. Только память отказывалась давать ей цельную картину.

Она выбрала белую чашку с тонкой синей полосой.

— Не эту, — сказал мужчина.

Ева подняла глаза.

— Почему?

— Ты из неё не пьёшь. Говоришь, у неё неудобная ручка.

Она медленно провела пальцем по краю чашки.

— А из какой пью?

Он открыл верхний шкаф и достал тёмно-зелёную кружку без рисунка.

— Из этой.

Ева взяла её. И сразу почувствовала: да. Удобно. Рука легла точно в ручку, будто делала это сотни раз.

— Кофе? — спросил он.

— Сделаю сама.

— Конечно.

Она нашла кофемашину, насыпала зёрна, поставила чашку. Мужчина не вмешивался. Стоял у окна и листал что-то в телефоне. Ева бросила в кофе одну ложку сахара, попробовала и поморщилась.

— Слишком сладко? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да.

Он повернулся.

— Ты давно пьёшь без сахара.

Ева замерла с ложкой в руке.

— В больнице ты сказал, что я кладу одну.

В его лице на миг что-то изменилось. Настолько быстро, что она могла бы решить, будто показалось.

— Раньше клала. Потом перестала.

— Когда?

— Месяцев восемь назад. Может, девять.

— Почему в больнице ты этого не сказал?

— Ева, ты только пришла в себя. Я не устраивал тебе экзамен по привычкам.

Ответ был разумным. И всё же маленькая трещина уже появилась.

Она поставила чашку на стол.

— Покажи мне дом.

Он кивнул.

Они поднялись вверх. Слева была комната Лизы — светлая, почти пустая, с книгами, фотографиями и старым плюшевым медведем на подоконнике. Ева вошла туда без приглашения и сразу почувствовала резкую, почти физическую тоску.

На письменном столе лежала рамка. Лиза лет пятнадцати обнимала Еву за плечи. Обе шурились от солнца.

— Она давно здесь не живёт?

— Учится в другом городе. Приезжает редко.

— Мы с ней близки?

Мужчина посмотрел на фотографию.

— Были очень близки.

Снова это слово.

— Были?

— Последний год вы часто спорили.

— Из-за чего?

Он задержал взгляд на Еве чуть дольше обычного.

— Она взрослеет. Ты пыталась её удержать. Она сопротивлялась.

Ева ничего не ответила, но внутри возникло ощущение, что он снова дал ей только ту часть правды, которую счёл безопасной.

Дальше была спальня.

Она остановилась на пороге.

Комната оказалась красивой и слишком интимной. Большая кровать, серое покрывало, два одинаковых светильника, кресло возле окна. На тумбочке с её стороны лежала книга с загнутым уголком. Ева взяла её, открыла на отмеченной странице и увидела карандашную линию под фразой.

Почерк был её. Она знала это без доказательств.

На другой тумбочке лежали часы, запонки и телефонная зарядка. Мужская сторона кровати.

Ева встретила его взгляд.

— Мы спали здесь вместе?

— Да.

— До аварии тоже?

Мужчина ответил не сразу.

— Иногда.

В комнате словно стало меньше воздуха.

— Иногда?

— Последние месяцы у нас было сложно.

Наконец-то не гладкий ответ. Не фотография счастливой семьи. Не двенадцать лет, уложенные в аккуратные снимки.

— Насколько сложно?

Он отвернулся к окну.

— Мы много молчали.

— Это всё?

— Пока тебе не нужно знать всё сразу.

Ева почувствовала вспышку злости.

— Не тебе решать, что мне нужно знать.

Он медленно повернулся.

— Согласен.

— Тогда отвечай.

— Ты собиралась уйти от меня.

Слова прозвучали тихо. Без драматической паузы, без попытки смягчить.

Ева смотрела на него и ждала, что внутри что-то откликнется. Боль. Вина. Страх. Хоть что-нибудь. Но пришло лишь странное облегчение.

Это чувство испугало её.

— Почему?

— Ты не сказала.

— А ты не спросил?

— Спрашивал.

— И?

— Ты отвечала, что устала.

Ева опустилась на край кресла.

— От тебя?

— От нашей жизни.

Он произнёс это почти без выражения, но в голосе впервые появилась усталость, настоящая, не сыгранная.

Некоторое время они молчали.

Потом Ева поднялась и подошла к шкафу. Открыла его. Мужские рубашки висели справа, её одежда слева. Всё было выстроено по цветам. Она провела ладонью по тканям и вдруг нахмурилась.

— Что? — спросил он.

Она смотрела на белые рубашки.

— Не знаю.

Она сняла одну с плечиков. Манжеты были аккуратно застёгнуты. Рукава сложены внутрь. Ева долго смотрела на рубашку, пока непонятная мысль не оформилась.

— Ты всегда так складываешь?

— Как?

— Рукава.

Он пожал плечами.

— Наверное.

И тут перед глазами мелькнуло воспоминание. Не сцена — движение. Мужские руки. Рубашка на кровати. Рукава, небрежно перекрещенные на груди. Её собственный раздражённый голос: «Антон, ну сколько можно складывать их вот так?»

Воспоминание исчезло так быстро, что Ева ухватила рукой за дверцу шкафа.

— Тебе плохо?

Он шагнул к ней.

Она отступила.

— Не трогай.

Он остановился.

— Я вспомнила кое-что.

— Что?

Ева снова посмотрела на рубашку.

— Ничего важного.

Она соврала впервые. И сразу поняла, что это было правильно.

После обеда мужчина ушёл в кабинет отвечать на звонки. Ева бродила по дому одна. Теперь она не просто смотрела — проверяла. Открывала ящики. Заглядывала в шкафы. Трогала вещи. Пыталась вызвать память запахом, фактурой, светом.

В ванной её зубная щётка стояла слева. Крем — на нижней полке. Флакон духов — в дальнем углу. Она поднесла его к носу и закрыла глаза.

Запах ударил неожиданно сильно.

Тёмный ресторан. Мужской смех. Чужая ладонь на её талии.

Ева резко открыла глаза.

В отражении была она сама — бледная, напряжённая, с расширенными глазами.

Она не видела лица мужчины из вспышки. Но была уверена в одном: рядом с ним она чувствовала себя иначе.

Вечером они ужинали вдвоём. Мужчина приготовил пасту. Сказал, что это одно из немногих блюд, которые умеет делать.

Ева попробовала.

— Слишком много базилика.

Он улыбнулся.

— Ты всегда говорила то же самое.

— И ты всё равно кладёшь?

— Всегда.

Ева неожиданно тоже улыбнулась. На секунду всё стало почти нормальным: кухня, тарелки, вечер, мужчина напротив. Так, наверное, и живут люди после двенадцати лет брака — знают привычки друг друга, раздражают мелочами, продолжают садиться за один стол.

Но потом он взял бокал левой рукой.

Ева застыла на месте.

— Ты левша?

— Нет.

— Тогда почему?

Он посмотрел на бокал, словно впервые заметил собственную руку.

— Просто удобно.

В памяти снова вспыхнула крошечная сцена: ресторан, мужская рука, часы на левом запястье, вилка в правой. Она не знала, Антон ли это. Но сомнение стало почти осязаемым.

Ночью Ева закрыла дверь спальни изнутри.

Он не возражал. Только пожелал ей спокойной ночи и ушёл в гостевую.

Она легла, но долго не могла уснуть. Дом действительно помнил её. Каждая полка, каждая чашка, каждая фотография словно подтверждала: она здесь жила, любила, ссорилась, растила дочь, старела рядом с этим мужчиной.

И всё же мелочи не сходились.

Сахар.

Рубашки.

Рука, держащая бокал.

Слишком осторожные ответы.

Ева перевернулась на спину и посмотрела в темноту.

Если память ошибалась — она сходила с ума.

Если память не ошибалась — рядом с ней жил человек, который слишком хорошо подготовился к роли её мужа.

И впервые после возвращения домой Ева решила: она больше не будет спрашивать его о прошлом.

Она начнёт проверять сама.

Глава 4. Ночь

Дом затихал медленно, будто не хотел оставлять Еву наедине с собой. Сначала на первом этаже перестала звенеть посуда, потом щёлкнула дверь в кухню, стихли шаги домработницы. Где-то далеко, за плотными шторами, прошла машина, и на потолке на секунду дрогнула полоска света. Потом исчезла и она.

Ева лежала на своей стороне кровати и смотрела в темноту. Слово «своей» по-прежнему раздражало. В этом доме слишком многое считалось её: кресло у окна, чашка с тонкой золотой каймой, шёлковый халат, книги с её пометками на полях. Всё словно свидетельствовало против неё. Всё говорило: ты здесь жила, ты сама выбирала эти вещи, ты любила этот дом, ты спала в этой спальне рядом с этим мужчиной.

И только тело ничего не подтверждало.

Мужчина, которого все называли Антоном, вышел из ванной. Ева слышала, как он выключил воду, как открыл шкаф, как шуршала ткань. Через минуту он появился в дверном проёме в тёмной футболке и домашних брюках. Без пиджака, без привычной сдержанности в движениях он выглядел моложе. И почему-то опаснее.

— Не спишь? — спросил он.

— Пока нет.

Он подошёл к кровати, но не лёг сразу. Несколько секунд стоял, будто решал, имеет ли право занять место рядом с ней. Ева заметила это и тут же рассердилась на себя за то, что заметила.

— Я могу уйти в гостевую, — сказал он.

— Не надо.

Ответ вырвался быстрее, чем она успела подумать.

Антон посмотрел на неё внимательнее.

— Ты уверена?

— Если я начну выгонять из этой комнаты всё, чего не помню, мне придётся вынести половину дома.

Он едва заметно улыбнулся.

— Это похоже на тебя.

— Что именно?

— Делать вид, что не боишься.

Ева отвернулась к окну.

— А я боюсь?

— Да.

Ответ прозвучал слишком спокойно. Не как предположение. Как знание.

Она почувствовала раздражение, но вместе с ним — странное тепло. Опасное, почти постыдное. Этот человек умел говорить с ней так, словно знал не только привычки, но и те места внутри, куда она сама старалась не заглядывать.

Он лёг поверх покрывала, оставив между ними расстояние. Не коснулся. Даже не повернулся к ней.

Ева закрыла глаза.

Несколько минут они молчали.

Потом Антон сказал:

— Врач просил, чтобы ты не пыталась заставлять себя вспоминать.

— Все вокруг только и делают, что пытаются заставить меня помнить.

— Я не пытаюсь.

— Правда?

— Правда.

Ева открыла глаза и повернула голову.

— Тогда почему в каждом твоём слове есть продолжение, которое я должна угадать?

Он не ответил сразу.

— Потому что я не знаю, как говорить с тобой теперь.

Эта фраза обезоружила её. Она ждала уверенности, оправданий, очередного подтверждения их брака. Но услышала растерянность.

— А раньше знал?

— Не всегда.

— Мы часто ссорились?

— В последнее время — да.

— Из-за чего?

Он посмотрел в потолок.

— Ты хотела больше воздуха.

— А ты?

— Я думал, что даю тебе достаточно.

Ева усмехнулась.

— Очень мужской ответ.

— Очень мой ответ.

Тишина снова встала между ними, но на этот раз она была другой. Не пустой. В ней находилось прошлое, которого Ева не помнила, и боль, которой она пока не могла дать имя.

Антон повернулся к ней.

— Хочешь, я расскажу, как мы познакомились?

Она вспомнила фотографии, которые уже видела в клинике и дома. Свадебные снимки, море, улыбки, дочь между ними. Всё выглядело настоящим. Слишком настоящим.

— Нет.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Ты даже не спросишь почему?

— Потому что это будет моя версия. А тебе сейчас, наверное, нужна твоя.

Ева долго смотрела на него.

В темноте лицо казалось мягче. На подбородке проступала тень щетины. У виска лежала едва заметная складка, которой она раньше не замечала. И вдруг ей захотелось протянуть руку и коснуться её. Просто проверить, что произойдёт.

Она не успела остановить себя.

Кончики пальцев коснулись его виска.

Антон замер.

Ева тоже.

Прикосновение было коротким, почти невинным. Но её тело отозвалось так быстро, что она испугалась. В груди словно что-то дёрнулось, дыхание стало глубже. Не воспоминание — ощущение. Очень старое. Очень знакомое.

Он осторожно накрыл её руку своей.

— Ева...

Она могла отдёрнуть ладонь. Должна была.

Но не сделала этого.

Его большой палец едва провёл по её запястью. Простое движение. И снова — этот отклик. Не страх. Не отвращение.

Желание.

Она резко высвободила руку.

— Не надо.

Антон сразу отступил.

— Хорошо.

Ни раздражения, ни обиды. От этого стало только хуже.

Ева села на кровати.

— Что со мной не так?

— Ничего.

— Я смотрю на тебя и думаю, что ты чужой. А потом ты меня касаешься, и...

Она замолчала.

— И что? — тихо спросил он.

— Неважно.

— Для меня важно.

— Для меня тоже. Поэтому и страшно.

Он сел, но сохранил расстояние.

— Я не буду пользоваться тем, что ты чего-то не помнишь.

— Благородно.

— Не благородно. Нормально.

— Не уверена, что знаю, что для нас с тобой нормально.

Антон посмотрел на неё так долго, что ей захотелось отвернуться.

— Я тоже уже не уверен.

В этих словах было что-то лишнее. Не то, что он хотел сказать. Ева почувствовала это почти физически, но прежде чем успела спросить, он поднялся.

— Попробуй поспать. Я буду внизу.

— Ты же сказал, что останешься.

— Передумал.

— Почему?

Он задержался у двери.

— Потому что ты сейчас должна бояться меня меньше, а не больше.

Дверь закрылась тихо.

Ева осталась одна.

Она легла, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок. Сердце всё ещё билось быстрее обычного.

«Это не мой муж».

Она повторила фразу мысленно, как заклинание.

Потом закрыла глаза.

Но теперь слова звучали уже не так уверенно.

Она проснулась среди ночи.

Не от кошмара. От тишины.

Такой полной, что слышно было собственное дыхание.

Ева посмотрела на часы. Почти три.

На соседней половине кровати никого не было.

Она вспомнила, что Антон ушёл вниз, и собиралась снова закрыть глаза, когда услышала слабый звук.

Голос.

Он доносился с балкона соседней комнаты или, возможно, из коридора. Ева приподнялась.

Сначала решила, что ей показалось.

Потом услышала снова.

Мужчина говорил тихо.
Ева встала.
Пол был прохладным. Она накинула халат и вышла из спальни.
В коридоре горел только ночной свет. Из-за угла тянулась тонкая полоска более яркого света — дверь кабинета или гостевой была приоткрыта.
Ева подошла ближе.
Голос стал различимее.
Это был Антон.
Он говорил по телефону.
— Нет, — сказал он. — Пока рано.
Пауза.
Ева остановилась.
— Я понимаю.
Снова пауза.
Она сделала ещё один шаг.
Теперь видела его силуэт у стеклянной двери на балкон. Он стоял спиной к коридору, одной рукой держал телефон, другой опирался на подоконник.
— Она ничего не помнит.
На мгновение Ева перестала двигаться.
В груди будто исчез воздух.
Антон слушал собеседника.
— Да.
Он говорил так тихо и спокойно, словно обсуждал обычную рабочую встречу.
Потом произнёс:
— Пока всё идёт как нужно.
Ева медленно отступила.
Половица под ногой едва скрипнула.
Антон обернулся.
Она успела уйти за угол прежде, чем он увидел её.
Несколько секунд Ева стояла, прижав ладонь к груди. Сердце колотилось так сильно, что ей казалось — он услышит.
Шагов не было.
Она вернулась в спальню, закрыла дверь и легла, не включая свет.
Через несколько минут ручка двери едва заметно опустилась.
Антон вошёл.
Ева лежала лицом к окну и дышала ровно, заставляя себя не двигаться.
Он остановился рядом с кроватью.
Она чувствовала его присутствие, хотя не видела.
Минута.
Другая.
Потом матрас едва прогнулся с его стороны.
Он лёг рядом.
Не коснулся её.
Ева открыла глаза.
За окном начинал бледнеть край неба.
Теперь у неё был первый факт, который невозможно было объяснить амнезией.
Мужчина рядом с ней что-то скрывал.
И её беспамятство было частью этого секрета.

Она смотрела в темноту и впервые подумала не о том, почему не узнаёт собственного мужа.

А о другом.

Что, если она с самого начала была права?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.